

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил политехнический институт. Работал в НИИ научным сотрудником, в проектном институте, в типографии. Публиковался в журналах «Наш современник», «Дружба народов», «Нева» и многих других, в сборниках, альманахах, антологиях. Автор 20 книг стихов и прозы. Его произведения переведены на 6 иностранных языков. Финалист и лауреат многих всероссийских и региональных конкурсов, лауреат премии Б. Корнилова, «Болдинской премии». Награжден медалью Пушкина. Член Союза писателей России. Член ПЕН-клуба. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

Олег Рябов

ОН БУДЕТ ЖИТЬ С НАМИ

Рассказы

Дом стоял посреди села, но выбивался из стройного порядка, несколько углубившись, к тому же сильно скрытый разросшимися кустами сирени, заполнившими палисадник. Трава перед забором была аккуратно скошена, но тропинка, ведущая от калитки к дому, чуть угадывалась, заросшая неимоверным по густоте бурьяном из лопухов, полыни и крапивы.

Виктор Александрович Пухов остановил лендровер перед оградой и, пройдя к своему дому, уселся на верхней ступеньке крыльца. Закурил.

Тут, на крылечке, он ощутил почти лесную прохладу: весь заросший участок, а садом его назвать сейчас никак нельзя было, представился ему каким-то особым существом. Пятнадцать старых яблонь, стоявших в густой траве, вымахавшей почти в человеческий рост, объединялись в что-то единое и цельное, а главное — чужое. Да и сам дом был плотно обвит и укрыт до самой крыши диким виноградом, который еще называют дамским. Он не просто опутал весь дом — он еще и свисал с крыши, карнизов и резных наличников причудливыми косами.

«Продали дом, словно предали друга» — дребезжала рефреном в голове фраза из давно забытой песни.

Виктор Александрович продал родительский дом. Вот — приехал попрощаться. Да и зачем он ему нужен, этот дом: за пять лет после смерти родителей он был здесь, в доме своего детства, где когда-то родился и вырос, три раза. Платил он соседке Серафиме переводом по три тысячи в месяц за то, чтобы она присматривала за домом, а что такое «присматривать» — ни Виктор Александрович, ни соседка Сима не понимали. Сима была лет на пятнадцать постарше Пухова, и когда ему было пять, она была уже невестой на выданье, а теперь, когда ему сорок, она, по деревенским понятиям, вообще уже старуха.

Он поднялся, нащупал на притолке ключ от входной двери и вошел в избу. Когда-то это был очень крепкий старинный пятистенок с голландкой и большой русской печью, но если даже за очень добротным деревенским домом не ухаживать, то очень быстро он может превратиться в развалюху. Вот сейчас, видимо, и наступал тот критический момент.

И произошло-то все как-то спонтанно: вчера, пусть и не очень рано, но все же утром, позвонила знакомая риелторша Альбина и сказала, что есть покупатель на его дом и участок в деревне Ершиха — не хочет ли Виктор Александрович от этого дома избавиться? Был у них когда-то такой разговор. Он спонтанно, не подумавши, ляпнул: «Продавай, оформляй!» Не очень он даже и вникал в то, что говорила ему тогда Альбина по телефону про каких-то его знакомых, которые живут в Ершихе, и которые его хорошо знают, и у которых друзья хотят купить этот дом; про то, что они уже осмотрели все: и венцы, и крышу, и печь, и в подвал слезали. Не до того ему было, потому что находился он в тот момент на кладбище, и хоронил он вчера свою Жанну, свою любимую женщину Жанну. Может, и не очень любимую, но она была матерью его сына Кирилла. А вот сегодня приехал проститься с домом.

Он уселся на лавку, что стояла около печи, и снова закурил. В открытую дверь заползал свежий воздух из сада, разбавляя затхлость, наполнявшую горницу. Половицы кое-где рассохлись, и в щели из подвала пролезли белые голые хвосты, похожие на огромных червей: плети все того же дикого винограда — они завоевывали новое пространство, расплываясь по полу. Хотя вот в разбитое окно заехала и вполне здоровая зеленая ветвь, полная красивых листьев. В сверном проеме образовался огромный рыжий кот, он внимательно поглядел на Виктора Александровича, зевнул во всю свою огромную пасть и пропал. В детстве в этом доме у Пуховых тоже жил такой же большой рыжий кот; уж не внук ли — а может, даже и правнук этот котяра тому пуховскому.

Виктор Александрович достал из кармана телефон и набрал номер.

— Альбина, я передумал, не буду я продавать дом.

— Как же так, Виктор Александрович? Я уже все документы подготовила, и новые хозяева собираются туда, в Ершиху, ехать.

— Ну, как оформила, так и разоформи — не мне тебя учить. А твою упущенную выгоду я тебе компенсирую — ты меня знаешь, не обижу! Подъезжай завтра с утра ко мне. Все!

Виктор Александрович Пухов был заместителем директора «Городского водоканала», структуры очень важной во всех старых городах-миллионниках: что Прага, что Нижний Новгород — везде подземные коммуникации требуют ремонта или даже полной замены, но в таких мегаполисах масштабная структурная реорганизация подземных сетей невозможна: выселять, что ли, все население. Вот и копошатся круглые сутки десятки бригад по всему городу, круша дороги и тротуары и устраниая

порывы и другие неполадки. Кто такой директор — понятно, но ведь должен же кто-то еще и работать. Вот Пухов и был той рабочей лошадкой, от которого зависела жизнь всего города.

Был он записным трудоголиком — существует еще на земле такой тип людей. Кроме работы, по большому счету, его мало что волновало. Даже те несколько строительно-ремонтных организаций, которые он когда-то зарегистрировал и которые фактически принадлежали ему, создавались не для личной финансовой выгоды, а для пользы дела. Хотя в материальном плане был он достаточно обеспеченным человеком: и коттедж за городом был, и квартира хорошая, двухуровневая в центре города, и даже на Ерипре какой-то особняк ему принадлежал, ненужный, впрочем, как и дом в Ершихе. Мало того, что Виктор Александрович был человеком общительным и коммуникбельным, он был еще и отзывчивым: никогда и никому он ни в чем не отказывал. Говорил: решим, сделаем, поможем — и решал, и помогал, не требуя ничего взамен. А потому и условных должников у него в городе было изрядное количество. И не только в городе: в Москве его тоже хорошо знали те, кому надо, и прочили ему место уже в правительстве страны. Пухов об этом догадывался — такие слухи на пустом месте не возникают.

Серьезные перемещения на государственном уровне производятся с огромным количеством проверок и рекомендаций. Соответствующие структуры все и про всех нас знают: не пьет, не курит, в карты не играет, связей в криминальных структурах и друзей за границей нет — от этого часто зависит карьера государственного служащего. По таким, казалось бы, мелочам строится психологический портрет кандидата, и уже вот по такой справке в значительной мере прогнозируется будущее назначение, и это — не шутка.

Сегодня Пухов собрался зафиксировать огромный минус в свою биографию, а возможно, и поставить крест на всей карьере — это решится вечером.

Не сказать, что в семейной жизни у Виктора Александровича было все замечательно, да и редко у какого руководителя, по уши занятого работой, все дома гладко. Был он уже десять лет женат на Галине, Галине Георгиевне, которая родила ему двух пацанов: Мишке теперь восемь, а Сашке — шесть. Галина работала в свое время экономистом в городской администрации, но после замужества целиком отдала себя дому, мужу и детям. Она была нормальной умной русской женщиной и прекрасно справлялась со своими обязанностями жены и матери. Дома всегда все было прибрано и уютно, все ждали отца. И в садик к младшему, и в школу к старшему она заходила каждый день, и там смотрели ей в рот, а она готова была всегда помочь — благо, возможности были.

Но вот несколько лет назад узнала Галина Георгиевна, что у ее ненаглядного Виктора Александровича есть еще одна семья. И даже не семья, а просто женщина Жанна, которая родила ему мальчика Кириллу, которого Пухов признал за сына, и регулярно он теперь туда наведается и всяческим образом помогает этой Жанне и ее сынишке и материально, и даже квартиру ей выхлопотал двухкомнатную где-то в микрорайоне.

Город-то большой, а вот слой людей, от которых жизнь города зависит, очень тонкий, и шила в мешке не утаишь. Однажды, вернувшись с работы домой, Пухов зашел в спальню, чтобы переодеться, и увидел, что вместо большой супружеской двуспальной кровати стоят теперь там две итальянских полуторных вдоль стен, а между ними два коврика положены, и две прикроватных итальянских тумбы стоят с настольными лампами. Что-то колыхнулось в голове.

А когда он сел за стол ужинать, Галина уселась напротив и заявила:

— Послушай, что я скажу тебе, Виктор. С некоторых пор наш брак превратился в ТОО — товарищество с ограниченной ответственностью. Ты — умный человек, и глупостей я тебе говорить не стану. Наша с тобой задача — вырастить мальчиков, и я сделаю все, чтобы они выросли нормальными мужчинами.

— Я понял, — ответил Пухов, — ты тоже умная женщина, а потому оправдываться не буду. Как скажешь, так и будет.

С Жанной он познакомился случайно в той же городской администрации, что и с Галиной когда-то. Была она маленькой, худенькой, теще-душной, с коротенькими светленькими ресничками, жиденькими волосиками, но улыбалась удивительно, открывая крохотные белоснежные зубки. Что-то болезненное было во всем ее облике. Подвез ее как-то раз Пухов после работы домой, а Жанна предложила зайти выпить кофе, а он и согласился — и остался. Нехорошее чувство вины образовалось где-то внутри после того случая и перед Жанной, и перед собой, и главное — перед Галиной. А та, как почувствовав что-то по-женски, на следующий день мимоходом ляпнула:

— Ох, накажет тебя бог, Виктор. Грешишь ведь!

Он даже не сразу понял, к чему это она.

Главное — не было в той связи никакой страсти, тяги, любви: ну, заезжал он к этой Жанне еще два или три раза через месяц или через полгода. А потом — беременность, и этот мальчик, которого назвали Кириллом. После этого Пухов заезжал в гости уже раз в месяц обязательно, Кирилл называл его папой, а Жанна ни о чем его никогда не просила, ни о чем не спрашивала, а только благодарила.

Недавно, с месяц назад, Жанна заболела, участковые врачи, ни в чем не разобравшись, твердили про какую-то вирусную инфекцию, а когда она уже оказалась в больнице, то был диагностирован острый лейкоз — рак крови. Может, поздно спохватились, а может — судьба такая, только врачи ничего не смогли сделать. И вот, после десяти дней, проведенных в больнице, из которых пять дней — в коме, она скончалась. Кирилл все это время жил у Сони, старшей сестры Жанны.

С организацией похорон проблем не было — всем занимались помощники.

На кладбище прощаться, кроме Пухова, пришли две подруги Жанны с бывшей работы да сестра Соня.

— Куда Кирилла денешь? — сухо спросила у него.

— Я все решу, — жестко ответил и уехал не прощаясь.

Прямо из Ершихи Пухов поехал к Соне: благо, до города тут пятьдесят километров — час езды. Та, видимо, ждала его. Махнула рукой в сторону, стоящего у двери чемодана.

— Вот вещи его. Подожди минуту, — пошла в комнату и привела мальчика. — А вот и папка за тобой пришел.

— Он знает? — спросил Пухов.

— Знает.

Пухов взял сына на руки и поцеловал его.

— Поедем, — прошептал на ухо.

Дома Галина открыла дверь, а он, держа за руку Кирилла, вошел.

— Он будет жить с нами, — произнес в полголоса.

— Я знаю. Я ждала. Может, я и неправильно поступаю, но мальчик должен расти в семье.

Проходя недавно по Оперному скверику, где стоит памятник жертвам революции пятого года, я краем глаза заметил группу ребят, сидящих на лавочке. Я бы и не обратил на них внимания, если бы не расслышал знакомую всем нам с детства считалку: «Катилась торба с великого горба. В этой торбе: хлеб, соль, вода, пшеница, с кем ты хочешь поделиться? Выбирай поскорей, не задерживай добрых и честных людей».

Удивительно: я вырастил детей, у меня есть внуки, но я ни разу не слышал от них эту считалку — эта считалка из моего детства. Пройдя с десяток шагов, я понял, что мой глаз что-то тоже резануло. Я обернулся: на деревянной скамейке, каких давно уже в этом скверике нет, сидели ребята, которых я узнал — точнее, сидели я, Вовка Филиппов и Танька Нефедова, в которую мы с Вовкой были оба влюблены. Мы сидели втроем, мы были одеты в ту одежду, в которой ходили тогда, полвека назад, в шестидесятые годы: на мне были трикотажные тренировочные штаны со штрипками и сандалии на босу ногу. И это был я!

Я совершенно четко разглядел, что на скамеечке сидел я сам!

Видимо, наш мозг — еще совершенно не исследованное пространство, если он может создавать такие дубликаты. Вот совсем недавно физики-теоретики для решения каких-то своих физико-математических проблем придумали новую элементарную частицу «шизон» — она могла одновременно находиться в двух точках пространства, и это — не раздвоение. Потом они отказались от этой теории: решили свои задачи и без этого шизона.

Я очень торопился в тот раз, и потом, спустя какое-то время, очень сожалел, что не остановился и не подошел к тем ребятам, которые сидели на скамеечке, — тогда бы все у меня прояснилось. А может, это и к лучшему: я же мог разрушить эту картинку, а теперь у меня есть повод сомневаться в правильности моих юношеских поступков.

Я вспомнил, зачем мы тогда втроем сидели на скамеечке в скверике и о чем договаривались. В соседнем дворе — там, где находилось аптекоуправление, напротив здания «острога» — строился новый многоэтажный дом, первый небоскреб в городе, а мы, как все нормальные пацаны, любили в свободное время лазить по таким стройкам. Там всегда можно было найти что-то любопытное — ну, например, карбид; а из него недолго было сделать какое-нибудь взрывное устройство. Но тогда, в присутствии Таньки Нефедовой, мы, конечно, спорили на какое-то геройство. И я до сих пор помню, на какое!

В те годы кирпичные дома строились, окруженные несуразными уродливыми и хлипкими деревянными лесами, а внутри со стены на стену перебрасывались такие же жиденькие деревянные щиты, по которым подсобные рабочие таскали каменщикам раствор и кирпичи. В тот день, наверное, был выходной, на стройке никого не было, рукотворные настилы были сняты, и только одна половица доска-шестидесятка лежала переброшенная с одной стены на другую. По ней-то и должен был перейти на наружную стену Вовка, а уже за ним и я.

Я знал эту доску, она была посередине сломана, держалась на честном слове, и зачем работяги перебросили ее с одной стены на другую — не понятно. Вообще-то на этой стройке мне было все знакомо — я бывал тут часто, а вот Вовка приехал к нам сюда погулять, по-моему, в первый раз. Пока мы пробирались по стройке на нужный участок, я представлял

себе, как Вовка, проломив доску, навернется и сломает себе или ногу, или шею. А я буду ходить в кино с Танькой.

Танька стояла внизу, глядя на нас, пока мы залезали на стену. Она была несколько странной девочкой: все время проводила с пацанами, хотя уже начинала невеститься и представлять определенный и недвусмысленный физиологический интерес для нас. Мы все в те годы, сидя на уроках в классе, переписывались друг с другом, обмениваясь записками. Так вот Танька однажды прислала мне записку: «Давай встретимся!» На что я ей ответил: «Давай! Приходи в три часа под трамплин!» Глупо, конечно, — так ведь и не пошли ни она, ни я. А вот записку, которую послал ей однажды Вовка Филиппов, я нагло прочитал и был удивлен — и даже взревновал: «Танечка! Ты помнишь, как чудесно было в Венеции!»

Взревновал не к Таньке — взревновал к Вовке: у него башка была неординарно устроена для нашего возраста. Вообще мы с ним не очень были дружны: один раз даже подрались. Это случилось на соревнованиях по бегу на лыжах в Пушкинском садике. Он меня догнал на трассе и несколько раз с перерывами прокричал: «Лыжню!». Но я не уступил, и он стукнул своей палкой мне по лыже, расколов ее. Лыжи были мои домашние, новые, хорошие, папа купил. Все на уроках физкультуры бегали на школьных лыжах, а я из дома приносил. Было очень обидно. Я ударил Вовку палкой по башке и рассек ему бровь, крови было много, мы с ним сцепились и начали бороться с лыжами на ногах. Нас учитель физкультуры растащил.

В классе мы с ним были двумя лидерами — правда, я по хулиганисто-шпанистой линии, и все свободное время проводил в Кулибинском парке, а Вовка активизировался на общественной стезе: стенгазеты, походы, сбор макулатуры и прочие полезные мероприятия. Мы уважали друг друга, наши интересы не пересекались, и потому нам было комфортно друг с другом. Хотя не знаю, как у него, а во мне чувство зависти все же иногда пробуждалось.

Помнится, раз на уроке литературы надо было сделать рассказ по картине. Учительница вывесила на доске литографию с картины Репина «Бурлаки на Волге», там несколько мужиков тащат за веревки здоровенную лодку. Я понял, что пришел мой час: про Волгу я знал все — мой родной дядька был капитаном на теплоходе «Дмитрий Донской», но к доске вызвался Вовка. Не знаю, что он тогда в целом говорил, но закончил фразой, что теперь по Волге ходят трехпалубные комфортабельные лайнеры. Я до сих пор помню эти его «комфортабельные лайнеры» — как он, тринадцатилетний пацан, легко мог распоряжаться такими красивыми словами!

Мы с Вовкой очень быстро забрались в тот раз на стену и подошли к доске, чуть прогнувшейся посередине, где был разлом, и висящей над двухэтажным пролетом. Я подошел к доске первым и ногой спихнул ее вниз.

— Ты чего сделал? — возмутился Вовка.

— Да ничего! Ну ее на хрен. Башку ломаешь, а нам с Танькой — отвечать.

Интересно, что прошло почти полвека, а мне до сих пор стыдно, что я планировал вот такую подлость: я был готов тогда пустить школьного товарища если не на гибель, то уж точно на серьезные увечья.

Потом, уже в старших классах, мы как-то сблизились с Вовкой, я

часто бывал у него в доме, а он заходил ко мне. Его отец Владимир Иванович был полковником КГБ, а мой, хоть и в отставке, но тоже был когда-то офицером, и мы оба сознавали, что мы из одной конюшни. Когда Никиту Хрущева отправили на пенсию, Вовкин папа очень интересно пошутил: «Вот, теперь Никита Сергеевич будет ходить на партийные собрания в свое домоуправление, и там он вместе с местными старухами будет решать свои домашние вопросы — это ему по силам».

Вовка уже в десятом классе уговаривал меня поступать вместе с ним в МГИМО, но я отнекивался, говорил, что туда без блата не попасть. На что Вовка говорил, что батька все устроит: он же был после войны резидентом нашей разведки в Китае, и преемственность в этой области человеческой деятельности очень даже приветствуется.

А потом наши дороги разошлись, и не виделись мы много лет.

Уже после ГКЧП от кого-то краем уха я услышал, что Владимир Иванович Филиппов застрелился из своего наградного пистолета, узнав, что его знакомые, а может, даже и друзья, пошли сдавать в райком свои партийные билеты. Я очень уважал Владимира Ивановича: было в нем что-то цельное, по-настоящему мужское, и пошел на вынос. С Вовкой мы обнялись, я сказал какие-то общие слова, а он, кивнув, проронил: «Будешь в Москве, заходи в гости».

И вот через несколько лет я оказался в Москве в какой-то необязательной командировке. Вечер оказался пустым, и я позвонил Филиппову по телефону — благо, он у меня случайно оказался. Через час, затарившись бутылкой коньяка, я уже сидел на кухне у Вовки.

Очень часто вот такие встречи с друзьями и знакомыми, с которыми не виделся много лет, бывают очень натянутыми. Видимо, мешает напряжение от возможности узнать что-то неприглядное или непонятное, случившееся с товарищем за эти годы, а еще противнее — узнать, что твой одноклассник, как чеховский герой, стал «тайным советником», а ты его всю жизнь дураком считал. Куда легче и человечнее происходит общение с первым встречным — например, в бане.

С Вовкой ничего подобного не произошло. Выпили мы и мою бутылку коньяку, а еще и бутылку водки из холодильника. На свой вечерний поезд я не попал — так разоткровенничались.

Он после окончания МГИМО оказался на дипломатической работе, служил и в Азии, и в Африке, был военным советником в Египте, два раза в плен к евреям попадал — наши по дипломатическим каналам его вытаскивали. Потом — ранение, отставка, с клюшковой ходит, одной ступни нет. Сейчас в школе историю детишкам преподает.

— А ты помнишь, «катилась торба с высокой горбы»? — вдруг спросил он.

— В смысле?

— Что-то я сегодня вспомнил, как мы с тобой собирались на площади Свободы по сломанной доске с одной стены на другую перебраться. С нами еще какая-то девчонка была.

— Танька Нефедова.

— Не помню, как ее звали. Только ведь я знал, что та доска сломана была. Я бы ее все равно столкнул вниз, да только ты первым успел. Проверял я тебя.

Спал я в кресле на кухне, а в шесть меня Вовка разбудил, и я поехал на вокзал.

ОРЕХОВ И БАБА-ЯГА

Один из самых запоминающихся сказочных персонажей (я имею в виду русский фольклор) — конечно, Баба-яга. И настолько часто она фигурирует в сказках, притом — в настолько разных ситуациях, что образ ее, сформировавшийся еще в детстве, почти у всех очень ярок, но очень противоречив: она и помощница, и хулиганка, и злодейка.

Для Алексея Орехова Баба-яга с детства ассоциировалась всегда с Викторией Николаевной Покровской, которая когда-то давным-давно жила в доме, что через дорогу. Но и дорогой тот тупик, ту улочку, на которой они тогда жили, было назвать трудно, потому что назывался он Тупиковый проезд, и за день по нему проходило две-три машины, не больше.

Сын Викторией Николаевны Николай был парализован и лежал в кровати, не вставая уже несколько лет. Все соседи и во дворе Покровских, и во дворе Алексея звали Викторию Николаевну Бабой-Ягодкой: ну а как же — «виктория» — это же такая большая сладкая садовая ягода. А для маленького Алеши Баба-Ягодка тогда, еще в том самом далеком детстве, почему-то стала Бабой-ягой: ну так переделалось у него в голове это прозвище. К тому же помнил он, что дома у Покровских стояли две пустых небольших деревянных бочки, которые у маленького Алеши Орехова в голове преобразовывались в знаменитые ступы Бабы-яги, на которых она должна куда-то обязательно улетать. Да и сама Виктория Николаевна внешне выглядела очень даже страшненько: вся в черном, голова платком черным повязана, горем согнутая — горюя, трудно ходить с высоко поднятой головой.

Сын Бабы-яги Николай Покровский когда-то учился вместе с Алешиной мамой в университете и был в нее влюблен; по словам очевидцев, это были такие теплые и страстные отношения, которые обычно прямиком ведут к свадьбе. Но после института случился у Николая инсульт, его парализовало, и оказался он прикованным к постели. Мама его, Виктория Николаевна, иногда вывозила сына на инвалидной коляске погулять, и сидел он грустный в этом кресле около подъезда. Алексей хорошо помнил эту картинку, несмотря на то что было ему тогда пять или шесть лет. А потом и на коляске возле подъезда Коля перестал появляться.

Дом Бабы-яги был щитковый, в два этажа и два подъезда, постройки пятидесятых годов, из тех, что называются «народной стройкой». Такие и сейчас можно встретить даже в центре больших городов — сохранились еще. Во дворе мальчишки каждый день играли в стрелы, прятки, чижа, мастерили ходули, луки, рогатки — интересно им тогда вместе было. Виктория Николаевна любила ребятшек и часто привечала их, угощая либо печеньем, либо дешевыми конфетами. Но по-особому она относилась только к Алеше Орехову, называла его «Алешик — Золотой Орешек» и часто приглашала в дом. А уже в прихожей говорила ему шепотом:

— Коля тебя звал, подойди к нему — он рад будет.

Алеша шел в комнату, подходил к постели больного и с минуту стоял молча; больной тоже молчал, из-под одеяла торчала голова заострившаяся, осунувшаяся, желтая, но глаза горели. Больной Коля даже не улыбался — не мог.

Баба-яга давала Алеше яблоко и приговаривала:

— Ну и хорошо! Ну и спасибо!

А потом Алешина мама вышла замуж, и они вместе с новым папой переехали в квартиру на другом конце города; так кончилось детство

Алеша, в котором остался старый двор с друзьями и Баба-яга с ее сыном Колей.

Алеша не раз спрашивал у мамы про своего папу, но та каждый раз отвечала, что того убили, и она расскажет ему все в подробностях, когда он вырастет. И вот Алеша вырос, а мама ему и не рассказала ничего вразумительного про папу — просто отмалчивалась. Алеша с годами и вовсе престал ее расспрашивать про папу, понимая, что это маме неприятно.

Наконец Алеша Орехов совсем вырос, и женился, и стал жить уже своей семьей в новой своей отдельной квартире с женой Леной, и родился у них мальчик, которого тоже назвали Алешей. Работал Орехов на оборонном заводе, где изготавливали радиолокационные системы для армии, а про такое говорить вообще было нельзя, потому как это военная тайна, в смысле — государственная. И я про это писать не стану. А Лена его была очень красивой и умной, и работала она директором школы. Хорошая пара была.

Вот тогда и произошла та неприятность, которой никто не ожидал.

Маленькому Алеше было четыре года, его водили в детский сад, а по вечерам папа или мама после работы забирали мальчика домой. Но однажды случилось непредвиденное: мама зашла за своим сынишкой в садик, а воспитательница ей заявила, что Алешеньку забрала бабушка.

— Какая бабушка? — с ужасом спросила Лена и осела на детскую скамеечку.

— А приходила старушка такая, вся в черном, — отвечала воспитательница Надя, — сказала, что она Алеша Орехова бабушка и пришла за ним. Алешенька подбежал к ней, как к давно знакомой, взял ее за руку и спросил: «Пойдем?» И они ушли — оба такие довольные, видно было, что они хорошо знают друг друга.

— Какая бабушка?! — уже заголосила Лена. — У его никаких бабушек нет. Что вы наделали? Вы же отвечать за это будете.

Лена тут же стала звонить своему Орехову по мобильному телефону. Орехов примчался на машине минут через десять. Он был очень напуган. К тому времени около Лены собрались уже и директриса садика, и еще одна воспитательница, и медсестра. Увидев такое собрание, Орехов взял себя в руки и строго всех попросил:

— Я прошу всех помолчать, чтобы я мог поговорить с Надей.

Все замолчали.

— Надя, расскажите мне все в подробностях. Когда это произошло? Как?

— Часа в четыре. Все дети гуляли, когда она пришла.

— Надя, опишите мне ее в подробностях: как она была одета, что она говорила и прочее.

— Старушка была маленького роста, в каком-то не по росту черном поношенном пальто, черной допотопной черной шляпке с перышком, и под мышкой у нее что-то было — то ли палка, то ли зонтик. Лицо сморщенное, подбородок торчал как-то, и нос у нее был крючком, как у хищной птицы или у Бабы-яги. На картинках в детских книжках Бабу-ягу такой рисуют.

— А что она говорила?

— Да ничего она не говорила. Только попросила позвать Алешу Орехова, сказав, что она его бабушка. А когда Алешенька подбежал, она пробормотала: «А вот и мой Алешик — Золотой орешек». Потом взяла его за руку, и они ушли.

— Я все понял, — сказал Алексей, — стойте все здесь, я скоро буду.

Старый дом в Тушиковом проезде как стоял, так и стоял на своем прежнем месте. На скамеечке около подъезда сидела Баба-яга, а рядом с ней сидел маленький Алеша и грыз яблоко.

— А вот и папа, — сказал мальчик спокойно, увидев Орехова, не слезая с лавки и болтая ногами, — как ты и говорила.

— Что же ты делаешь, старая дрянь, — злобно обратился к Виктории Николаевне Алексей, — ведь люди переживают!

— Во-первых, я не дрянь, а Баба-яга, не забывай этого, а то в следующий раз может что-то и нехорошее случиться. А во-вторых, что же я, не могу под конец жизни своей со своим единственным правнучком пообщаться? Ты ведь уже догадался про все?

— Догадался-догадался. Теперя догадался.

— Так а что же тебя смущает и расстраивает, мой дорогой Алешик — Золотой Орешек? Ты радоваться должен, что сегодня тебе вся правда открылась. Ты же всегда хотел ее узнать, правду?

— Хотел.

— Ну вот и узнал.

— Да не так хотелось, Виктория Николаевна.

— Ты уж зови меня, как в детстве, — Бабой-ягой.

— Не могу уже.

— А что так?

— Лучше скажи мне, где Коля похоронен — я хочу сходить к нему на могилку.

— Это хорошо. Вот вместе и ходим — покажу тебе. В субботу заезжай.

— Хорошо, заеду.

— Тогда забирай правнучка моего Алешеньку и беги. Лена-то твоя там, наверное, заплакалась-изрыдалась вся, поторопись.

